

дѣйствіем aquae и ему особенно везетъ на такія попойки,—трудно даже съ нимъ соперничать...

Часа въ 4 сгорѣло 11 домовъ съ постройками, т. е., все отъ церкви Успенія до Училища. Никто не думалъ, что послѣднее останется цѣло: огонь былъ въ 10 шагахъ, но штукатурка и желѣзная крыша мвого помогли. Училищное зданіе, можно сказать, остановило пожаръ. Занесенные головы зажгли далеко за училищемъ одинъ сарай и двѣ бани, но они стояли въ саду, почти отдельно отъ другихъ строеній, и потому сгорѣли, не пришившись большаго пожара. Церковь Успенія загорѣлась—было отъ жару, хотя отъ нея пожаръ находился по крайней мѣрѣ въ 150 шагахъ. Вспыхнулъ карнизъ около колоннъ башни. Многіе бросились тушить и требовали воды. Бабы закричали: «нельзя воды,—отъ воды еще хуже будетъ горѣть известка!» «Молока, молока!» раздалось въ толпѣ. Пока явилось молоко, дѣячокъ той же церкви Михаилъ Горапинъ отбилъ карнизъ и утишилъ огонь; всѣ удивлялись какъ онъ не погибъ. Привесенный молокомъ поливали стѣны. Священники служили все время; жители носили чудотворную икону Божіей Матери кругомъ пожара и молились. Здѣсь никто такого пожара не запомнилъ. 31 числа случился снова пожаръ около Зарѣчья, но тотчасъ-же былъ затушенъ. Многіе говорятъ о поджогахъ, но по слѣдствію оказалось, что все дѣло отъ неосторожности. Общество очень напугано. Не знаю, сдѣлаетъ-ли оно что-нибудь для своей безопасности. Недѣли за 3 передъ пожаромъ открыли подишуку на улучшеніе пожарной команды и собрали всего только 20 рублей! Разумѣется это мало даже на колёса. По два рубля жертвовали капиталисты, которые при пожарѣ давали на водку по 25 руб., «только засѣйтите, моль, братцы!» Въ ихъ глазахъ многіе лишились всего и должны бѣдствовать, а между тѣмъ благотворительныхъ пожертвованій ни гроша! Не удивляйтесь: это Мглинъ себя заявляетъ!...

— Въ Глуховскомъ уѣздѣ, близъ Петропавловскаго монастыря, ва рѣкѣ Клевенѣ, 14 Июля, загорѣлась плотина со стороны участка государства крестьянъ деревни Будища и отъ распространившагося пожара, при всѣхъ усилияхъ къ погашенію,

сгорѣли двѣ мельницы, принадлежавшія обществу государства. крестьянъ означенной деревни и одна монастырская; другая же уцѣлѣла.

ХУТОРЪ МАКОВКА.

НАЧАЛО РОМАНА.

I.

Хуторъ Маковка заслуживаетъ вниманія моихъ читателей, какъ по своему мѣстоположенію, такъ и по своей исторіи, полной любви, никакъ неоправданной, и страданій, иначеъ невознагражденныхъ. Я быль бы очень счастливъ, еслиъ повѣсть моя привлекла къ этому романническому уголку хоть одно доброе, любящее и снисходительное сердце. Этимъ бы я заплатилъ долгъ благодарности за два-три утра, въ которыя жилья я здѣсь шире обыкновенного, дыша прохладой тихихъ, росистыхъ полей и бродя подъ сквозящими на солнцѣ павѣсомъ высокихъ, издавна сбереженныхъ деревьевъ.

Пусть мой читатель вообразить или припомнить себя молодымъ человѣкомъ, впервые приближающимся къ мѣсту, въ которомъ ждетъ его молодой привѣтъ, молодая дружба и почти несомнѣвшая любовь. Мѣстность хутора Маковки какъ-будто для того и создана, чтобы такое настроение души возвысить до поэтической чистоты и до поэтическаго величія. Безводная, ровная степь вдругъ опускается плавнымъ размахомъ къ напоенной водою низинѣ, и здѣсь издали уже предчувствуетъ чудеса свѣта и тѣни, тепла и прохлады надъ тихими струями лѣсной рѣчки. Въ самомъ дѣлѣ синѣющія издали и золотящеся на солнцѣ вблизи древесные купы окутываютъ узкую, изгибистую рѣчку съ обоихъ береговъ и сообщаютъ ея поворотамъ очаровательную таинственность. Точно великимъ артистомъ проложена по мягкому берегу дорога, ведущая къ хутору. Щедшь и дивуешься; и мысль, что эти чудеса, можетъ быть, вовсе не замѣты для убогихъ оби-

вателей пізенькихъ хатъ, показывающихся въ синеватой глубинѣ рощи,—эта мысль придаетъ особенное очарованіе мѣстности: точно какъ-будто она существуетъ только для немногихъ,—для избранныхъ цѣнителей чудесъ природы,—и скрыта па-вѣки отъ профанирующего тупого взгляда. Поворачиваете вѣво, слышите мягкий шумъ воды, ворочающей лѣнивые мельничные колеса. Плотина, съ задумчивыми вербами, наклонившимися до самой воды... дорога на небольшой зеленый косогоръ, усыпанный бѣлыми гусеницами... ворота, отвѣкшіе защищаться... огромный дворъ съ великанскими тополями передъ широкимъ и низкимъ домомъ... вотъ вы и въ хуторѣ. Но хуторъ безъ своей исторіи—все равно, что книга на непонятномъ языкѣ. Хуторъ Маковка потерялся бы въ множествѣ воспоминаніяхъ о множествѣ видѣній мнюю хуторовъ, когда бъ не зналъ я, что въ немъ происходило въ теченіе годовъ, которые дали этотъ роскошный ростъ его великанскою тополемъ и сообщили наружности дома,—наружности очень обыкновенной.—этотъ видъ полуветхости, эту полувеселую, полупечальную и какъ-бы размышляющую физіономію.

Двадцать лѣтъ назадъ, богатыи хуторъ Маковка принадлежалъ тестю погибшаго его владѣльца Арамбаза. Арамбазъ былъ у него управителемъ и вкрадся старику въ душу до невѣроятной степени: старикъ, человѣкъ благоразумный, бережливый, опытный въ практической жизни, отдалъ ему свое имѣніе въ безотчетное завѣдываніе, называлъ его образцомъ хозяевъ, хвалился имъ, какъ рѣдкой находкою и наконецъ рѣшился выдать за него единственную дочь свою, единственную свою наследницу, хорошенкую, молоденькую Пину,—предметъ вѣжнейшаго вниманія многихъ маменекъ, которыхъ сыновья отличались на служебномъ поприщѣ, или вышли въ отставку съ крестами и чинами. Что Арамбазъ былъ отличный хозяинъ, въ этомъ сосѣди убѣждались уже тѣмъ, что онъ удвоилъ доходы съ Маковки и самый хуторъ привелъ въ завидное состояніе; но на первыхъ порахъ никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы владѣлецъ богатаго имѣнія наградилъ уй-

равителя рукою дочери. Старикъ былъ гордъ своимъ дворянскимъ родомъ, чтѣ между потомками нашихъ козаковъ очень не рѣдко. Старикъ любилъ дочку любовью одинокаго вдовца; она ви въ чемъ не знала у него принужденія или отказа; она была госпожей его воли: и при всемъ этомъ онъ отдалъ ее за управителя, за наемника! Все благородное сословіе на сто верстъ вокругъ Маковки было озадачено и даже скандализовано этимъ событиемъ.

До тѣхъ поръ никто не обращалъ особенного вниманія на Арамбаза, но тутъ ужъ разобрали всѣ его достоинства и недостатки. Достоинствъ нашли въ немъ очень мало уже по одному тому, что его дворянское происхожденіе было весьма сомнительного качества, не смотря на чинъ поручика. Говорили, что онъ—крещеный турокъ, передавшийся въ русскую службу; а какое у турокъ дворянство? Въ самомъ дѣлѣ черты лица Петра Никитича Арамбаза были не наши, не украинскія, или, какъ выражались сосѣдніе помѣщики, не христіянскія. Въ своемъ родѣ онъ былъ пожалуй красавецъ,—съ черными, сверкающими глазами, съ бѣлыми зубами, съ длиннымъ затылькомъ усомъ; но наши дамы не исправился. Наши дамы любятъ лица не такія смуглые, не такія выразительныя, не такія строгія. Онъ не могли допустить мысли, чтобы молоденькая Пина, которой едва исполнилось шестнадцать лѣтъ, пѣшилась этимъ суровымъ туркомъ, который говорилъ обѣ одномъ хозяйствѣ и едва ли умелъ протанцовывать мазурку.

Арамбазъ въ самомъ дѣлѣ былъ человѣкъ ограниченный во всемъ, что составляетъ у насъ по хуторамъ и селамъ прелестъ жизни, независимо отъ сельскаго хозяйства. Съ дамами не находилъ онъ рѣчи; между мужчинами выбиралъ въ собесѣдники только строгихъ экономистовъ. Старушки называли его отличнымъ христіяниномъ за исправное посѣщеніе церкви; крестьяне хвалили его за справедливость въ разборѣ жалобъ и назначеніи работъ; но что значили эти достоинства въ глазахъ шестнадцатилѣтней девушки? Она сама охотно бѣжала въ церковь, особенно,

когда ей покупали обновки. Она сама была спрашиваю ко всему и не подозревала, какое это редкое, какое драгоценное достоинство въ человѣкѣ!

Пина вообще была развита мало, какъ и всѣ почти наши барышни, для которыхъ лучшимъ источникомъ житейской мудрости до сихъ поръ считаются институты и пансионы. Отецъ не въ силахъ быть удалить ее отъ себя въ чужие люди для воспитанія и, съ усилиемъ надъ собой, рѣшился подчинить ее года на два домашней гувернанткѣ-смолянкѣ. Пина взросла у него на волѣ, и едвали хоть одна строгая мысль поселилась въ ея беззаботной головкѣ. Передъ нею широко раскрывалась свободная молодость. Подчиненіе чѣйто волѣ представлялось ей въ далекомъ будущемъ, исполненіемъ неопределенно пріятныхъ ожиданий. Ей дѣла не было до дружбы ея пѣжного папаши съ Петромъ Никитичемъ. Она мало обращала вниманія на похвалы, которыми его осыпали въ ея присутствіе. Она не замѣчала страстныхъ взглядовъ, бросаемыхъ нее черноусымъ Арамбациомъ, и была съ шимъ ласкова, какъ съ человѣкомъ домашнимъ. Вдругъ ей объявили просто и положительно, что она—певѣста Петра Никитича, который любить ее, который упрочить ея счастье, который замѣнить ей отца.

Невѣста... какое милое, таинственное слово! какъ увлекательно звучитъ оно въ ушахъ шестнадцатилѣтней девочки! Отчего же оно такъ поразило Пину? Пина знала, что ей надо было когда-то сдѣлаться невѣстою и потому женою, матерью; но это были события, чуть-чуть видѣвшіяся передъ ней въ туманѣ будущаго. Она обѣмѣла, выслушавъ ласковую и вмѣстѣ догматическую рѣчь доброго папаши. Она покраснѣла чего-то; она чего-то испугалась; чего-то стало ей жаль. Тихія слезы наполнили ея голубые глаза. Пина упала отцу на грудь, прижалась къ нему лицомъ и тихо плакала, не говоря ни слова.

— Зачѣмъ такъ рано? прошептала она, въ отвѣтъ на его нѣжный допросъ. Вотъ весь протестъ, какой могла сдѣлать въ ней женщина противъ той власти, которую у насъ присвоили себѣ благо-

честивые и заботливые старички надъ будущностью грядущаго поколѣнія.

Отецъ объяснялъ ей, приглаживая ласкающею рукой золотистые ея волосы, какъ онъ старъ, какъ испадежна жизнь его, какъ не вѣрна будетъ ея судьба, когда она останется на свѣтѣ.

Возможность вѣчной разлуки съ добрымъ, вѣчно ласковымъ, повторливымъ папашею поразила воображенье Пины всего сильнѣе. Обильные слезы хлынули у неї изъ глазъ.

— Я не буду спокойна въ могилѣ, говорилъ отецъ,—если ты останешься непристроеною.

— Ахъ, за чѣмъ вы это говорите, папаша! вскричала Пина.—Ради Бога, не пугайте меня такими ужасами! Я все сдѣлаю, чтобы только вы были спокойны.

— Ты у меня умница, Пиночка! сказала расстроганный старикъ, цѣлуя ее въ глаза и щеки, орошенные слезами.—Ты всегда была моимъ счастьемъ и до конца имъ будешь.

Въ эту минуту отворилась дверь, и Петръ Никитичъ, чисто выбритый и весь новенький, съ сияющимъ лицомъ вѣжально въ комнату. Онъ показался Пинѣ какимъ-то страннымъ. Слыша его степенные, положительные разговоры, она привыкла видѣть въ немъ спокойнаго старика, хотя онъ во-все не казался пожилымъ человѣкомъ. Ему было лѣтъ за тридцать, и южная кровь горячо играла въ его жилахъ. Теперь эта кровь прилила ему къ сердцу и произвела превращеніе во всей его фигурѣ. Лицо его такъ оживилось, глаза его такъ радостно, такъ молодо сверкали, что Пинѣ сдѣлалось передъ нимъ неловко, стыдно и чего-то страшно. Бѣдная, отступила она шагъ назадъ. Но онъ схватилъ обѣ ея руки горячими руками. Куда дѣвалась его ненаходчивость съ женщинами! Онъ заговорилъ языкомъ восточного любовника, называвъ Пину драгоценной жемчужиною, райскою нимфою, источникомъ счастливой жизни и покрылъ ея руки поцѣлуйми.

Бѣдняжка была смущена и отумашена. Потупя взоръ, она дѣлала усилия вырваться отъ него; но то были усилия нѣжной птички, схваченной страшнымъ цѣнителемъ красоты ея, ея сладкаго голоса.

Пину прижалли къ сердцу; Пину поцѣловали отлушительнымъ поцѣлуемъ въ присутствіи отца, и надъ ней прозвучали роковыя слова: «Да благословитъ васъ Богъ, дѣти мои! Еже сочетаетъ Господь, человѣкъ да не разлучаетъ».

Одна минута—и судьба Пины рѣшена невозвратно. Выбѣжала бѣдняжка въ садъ, и уже садъ былъ для нея не тотъ, какимъ она видѣла его сегодня же, когда впервые послѣ сна дохнула его прохладою. Узко и тѣсно сдѣлалось ей на свѣтѣ. Будущность ея опредѣлилась какъ пельзя положительнѣе. Разсѣялся завлекательный туманъ, въ которомъ тайны жизни скрывались отъ ея дѣтскаго любопытства. Она—невѣста; она завтра или послѣ завтра будетъ женою Петра Никитича. Ей объяснились теперь приготовленія къ какому-то сѣзду гостей, о которомъ говорили ей какъ-то глухо. Неутомимый Петръ Никитичъ, по волѣ ея отца, устроилъ заблаговременно все, чѣмъ шума и красна свадьба. Ея согласіе было послѣднимъ и несомнѣннымъ дѣломъ. Эта мысль выразилась въ ея душѣ иелсно, но и въ своей неопредѣленности оскорбила въ ней какія-то чувства, неприведенные еще въ сознаніе. Она горько заплакала, глядя безъ мысли на свѣжія розы, паклонившіяся отъ собственной тяжести и рошающія крупныя капли росы пзъ своихъ нѣжныхъ чашечекъ. Потомъ ей сдѣлалось какъ-то безразлично на свѣтѣ,—ни то весело, ни то грустно, точно сама она была молодая роза, папоенная росою и обдашная ласковымъ свѣтомъ солнца. Соловьи напѣвали ей какія-то милья и грустныя рѣчи, которыхъ смыслъ оставался для нея темнымъ, но которыхъ она заслушалась невольно. Слезы обсохли на ея глазахъ; вспыхнувшія яркимъ румянцемъ щеки понемногу гасли; и уже посторонний глазъ не могъ бы подозрѣвать въ ней героиню романа безъ любви, героиню истинно трагическую. Она была какъ всѣ. Молодая беззаботность и не привычка останавливать мысль на серьезныхъ вопросахъ жизни спасли ее отъ протеста, который Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончился при тѣхъ противорѣчіяхъ между свѣжей, вольной натурою и хранимыми отъ временъ варварства обычаемъ, ко-

торыхъ не хотятъ знать наши благочестивые отцы семействъ. Она еще вздыхала изрѣдка, но то были вздохи дитяти, успокоившагося и запгравившаго послѣ дѣтской тревоги. Только первыя минуты новаго ея положенія въ жизни пробудили въ ней что-то похожее на сознаніе личной независимости. Этому чувству не начемъ было утвердиться, и оно, какъ преходящій свѣтъ, едва скользнуло по тайнамъ ея души. Пина только чувствовала себя какъ-бы связанною въ присутствіи отца и женщины; ей было какъ-то не посебѣ; но въ чемъ именно дѣло,—уразумѣть это она была не въ силахъ.

Между тѣмъ въ хуторѣ поднялась кутерьма сборовъ. Все говорило о свадьбѣ; все принимало праздничный видъ. Общий веселый шумъ заглушилъ въ ея душѣ и послѣдний, чутъ слынныи ей самой ропотъ. Вмѣстѣ съ другими и она радовалась, сама не понимая почему. Съѣхались гости; раздались поздравленія, и въ этихъ поздравленіяхъ развѣ самый тонкій, подозрительный слухъ отнѣпилъ бы поддѣльные звуки. Дѣло слажено, дѣло кончено,—поздо пересуживать; и зачѣмъ смущать невѣstu паирасными толками? Наши умныя головы легко импрятся со всякими явленіями жизни, видя невозможность устроить дѣла иначе, и не берутъ па себя труда хоть бы для будущихъ жениховъ и невѣстъ уяснить смыслъ такихъ веселыхъ событий, какъ свадьба Арамбада. Наши умныя головы чуютъ тысячелѣтіе позади и тысячелѣтіе впереди себя: что же тутъ разсуждать о томъ, что могло бы, да не будетъ, иначе? Всего тяжеле было сосѣдямъ принять въ свои сочлены новаго дворяниня, какого-то бѣглеца пзъ Турции, который когда-то брилъ себѣ голову, носилъ чалму и, можетъ быть, имѣлъ гаремъ. Его честность, его правильная дѣятельность и практическій неутомимый умъ цѣнились господами помѣщиками мало. Перекресть турокъ будетъ подавать голосъ на дворянскихъ выборахъ! перекресть турокъ будетъ владѣть лучшими землями, богатѣшими лугами и лѣсами въ уѣздѣ! Подобныя мысли сокрушали не одно дворянское сердце; и наши дворяне вообще опасаются быть откровен-

ными другъ съ другомъ, и потому каждый стра-
далъ про себя въ тихомолку.

Дамы съ своей стороны, досадовали въ тай-
иѣ, что такая прелестная и богатая невѣста сдѣ-
лала такую незавидную партію. Выдти за собствен-
наго управителя, — это срамъ! На ней могъ бы
жениться превосходный генералъ или полковникъ,
да нашлись бы женихи и дома, хоть не въ чи-
нахъ, то съ состоящемъ. Интересно было бы знать,
взглянула ли тогда на дѣло хоть одна женщина
по-жепски? Но этого узнать не откуда. Каждая
находила невозможнымъ любить Петра Никитича
Арамбаса только потому, что онъ турокъ, что онъ — наемный человѣкъ, что онъ — бѣднякъ; но
снимите съ него эти три недостатка, и сомнѣнія
въ будущемъ счастьи молодой четы не возникли
бы ни въ одномъ сердцѣ, — на сколько мнѣ извѣ-
стны сосѣднія дамы. Нельзя же было отвергать,
что у него чудесные глаза, прямой красивый
носъ, а ужъ усы.... такихъ усовъ не видано еще
въ уѣздѣ! Петръ Никитичъ былъ молчаливъ съ
дамами, но это ничего: у насъ всѣ порядочные
мужчины съ дамами молчаливы. Развѣ ужъ дѣло
коснется хозяйства или дѣтскихъ болѣзней и спо-
собностей; съ этой стороны дозволяется у насъ
быть любезнымъ, не компрометируя своей сте-
пенности. Въ ролѣ женicha. Петръ Никитичъ былъ
очарователенъ: такъ и слѣдить, такъ иходить
за своей невѣстою, точно голубъ за голубицею.
Общий взглядъ одобрялъ узаконеніе зѣблище
любви, и только самые пропицательные люди на-
ходили, что изъ новаго пхъ сосѣда выйдетъ рев-
нивый мужъ. Несносѣйшее дѣло ревность, по на-
шимъ домамъ оно въ тайнѣ нравится: онъ гор-
дятся ревностью мужьевъ своихъ, какъ азіатки.

Какъ бы то ни было, но дѣло жизни рѣшено
было въ Маковкѣ безъapelляціи и законность
акта засвидѣтельствована многолюдныемъ съѣздомъ
гостей, изъ которыхъ многие напились до пьяна.
Свадьба была веселая, несмотря на турецкое
происхожденіе женicha и на его служилое значе-
ніе между господами помѣщиками. Гости разѣ-
хались, довольные хозяевами. Хозяева остались,
довольные гостями. Все обошлось благополучно,
какъ на хорошо устроенному заводѣ, и молодымъ
оставалось только блаженствовать посреди хутор-
ского затишья.

Но жизни никто еще не обманулъ, и, за пося-
гательство на обманъ, она карала и караетъ лю-
дей неумолимо....

П. Кулышъ.

(Глава 2-я изъ слѣд. №).

РАЗНЫЯ ОБЪЯВЛЕНИЯ, ВЫЗОВЫ, ЗАПРОСЫ И ОТЗЫВЫ.

ВЪ МАГАЗИНЪ

ЧЕПЛІЕВСКАГО,

ВЪ ЧЕРНИГОВЪ,

на дняхъ полученъ большой выборъ разныхъ за-
границенныхъ товаровъ, какъ-то: сукна, трико, бани,
трико-боберь, драпъ, сатинъ, трико-ластикъ, шол-
ковые и шерстяные и разныя дамскія матеріи,
мозамбики, гренадины, паппиши, барежи, кисеи
цвѣтныя и бѣлыя, жаконеты и батистовки, Бель-
фельдскія и Голландскія полотна извѣстной Вар-
шавской фабрики Жирандовскаго, столовое разное
бѣлье и широкое для простынь, дамскіе уборы и
шптыя платья, бурнусы, мантільи, платки баре-
жевые и вигоневые французскіе, мѣховые товары
и галантерейныя вещи. Все это продается по
весыма умѣреннымъ цѣнамъ.

Молодой человѣкъ, окончившій курсъ гимназіи,
желаетъ имѣть място домашнаго учителя въ городѣ
или на-выѣздѣ. Пиющіе надобность благоволять
 обратиться въ редакцію Черниг. Листка съ изложеніемъ
своихъ условій.

БИЛЕТЫ

на 1-й классъ 5-го (послѣдняго) отдѣла лотереи
Шимановъ и Сероки получены въ книж. магазинѣ
М. Кранца, въ домѣ Митаревской (глав. выигрышъ
250,650 р. сер.).

Въ томъ же магазинѣ поступали въ продажу,
по умѣреннымъ цѣнамъ, АЛЬБОМЫ для фотограф-
ическихъ карточекъ, великолѣпной отдѣлки.

Редакторъ Л. ГЛѢБОВЪ.

Печатать позволяетъ. 18 Августа 1862 года. Цензирующей неофициальную часть Губ. Вѣдомостей В. Зинка.

ВЪ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

— Изъ Хороля. Полтав. губ., въ Москов. Вѣд. г. Дымскій пишеть:

«9-е Іюля навсегда останется памятнымъ для насъ, жителей Хороля. Въ этотъ день, по распоряженію губернскаго начальства, всѣдѣствіе представлениа г. предводителя дворянства Хорольскаго уѣзда И. М. Гудимъ-Левковича, было въ мѣстной Думѣ, собраніе городскаго общества всѣхъ сословій для сужденія о перемѣнѣ дней ярмарки въ Хоролѣ и Лубнахъ.

Со временеми перенесенія Ильинской ярмарки изъ Роменъ въ Полтаву, значительная часть этой ярмарки, собственно западныхъ губерній, приняла направление на Лубны и Хороль въ Полтаву. По окончаніи Ильинской ярмарки, торговцы, перебѣжая Хороль, останавливаются для торговли въ Лубнахъ, 6 августа, въ день Преображенской ярмарки; между тѣмъ Хороль имѣеть ярмарку Успенскую, 15-го августа, на которую купцы заднѣпровскіе не возвращаются изъ Лубенъ, остается рѣшительно безъ всякой торговли и лишень ея выгодъ. Чтобы дать болѣе правильный ходъ торговли, Хорольское общество, въ настоящее время, просить о перемѣнѣ дней ярмарки, чтобы въ Хоролѣ назначена была ярмарка Преображенская, а въ Лубнахъ Успенская; такимъ образомъ торговцы, возвращаясь изъ полтавской ярмарки, сначала останавливаются бы поторговать въ Хоролѣ, а потомъ въ Лубнахъ. Выгоды отъ этого для Хороля, пзвѣстного въ губерніи бѣдностю своихъ городскихъ доходовъ, будуть несомнѣнны, да и Лубны отъ этого рѣшительно ничего не потеряютъ, а потому Хорольское городское общество, 9-го іюля, единогласно составило приговоръ: просить вышее начальство о перемѣнѣ дней ярмарки, равно какъ и въ благодарственномъ адресѣ г. предводителю дворянства Хорольскаго уѣзда за его вниманіе къ пользамъ города. просить дальнѣйшаго его участія и ходатайства по этому дѣлу.

Слышно, что вѣкоторые жители Лубенъ не довольны перемѣнною дней ярмарки и враждебно смотрѣть на это дѣло. Причиной тому можетъ быть одинъ эгоизмъ и своеокорыстное желаніе держать Хороль въ торговой зависимости отъ Лубенъ: другихъ уважительныхъ, причинъ быть не можетъ. Да вѣроятно и враждебное направленіе противъ этого дѣла принадлежитъ только вѣкоторымъ личностямъ;

большинство же, безъ сомнѣнія, во духу братства, сочувствуетъ предстоящему улучшенню быта жителей Хороля.»

ХУТОРЪ ШАКОВКА.

НАЧАЛО РОМАНА.

II.

Пина въ самомъ дѣлѣ была счастьемъ отца до конца его жизни, и какъ же могло быть иначе, когда не прошло году, а ужъ онъ благословилъ дрожащей рукою внучку? И внучку назвалъ онъ Пиной; и внучкѣ, въ простотѣ старческой души, желалъ той же счастливой, то-есть прозябательной, жизни. Еще годъ—и еще внучка. Благословенная чета! Эту нарекли Сашею. Прекрасное имя для хоторской красавицы, которой вся жизнь заключается въ неопределенныхъ томленіяхъ и въ самомъ определенномъ осуществлѣніи этихъ томлений. Какъ цвѣты въ нашихъ тѣнистыхъ рощахъ такъ появляются въ нашихъ хуторахъ барышни,—появляются, цвѣтутъ, увядаютъ и уступаютъ мѣсто дочерямъ, внучкамъ, правнучкамъ, во всемъ похожимъ на своихъ маменекъ, бабушекъ и прабабушекъ. Тихо скончался добрый папаша Пины, напутствуемый хитро придуманными желаніями и вполнѣ убѣжденный, что упрочилъ счастье малой дочери.

А дочь между тѣмъ выросла и изъ неопытнаго дитяти сдѣлалась размышающею женщиною. Богъ знать, какими путями, добралась она до убѣжденія, что ея жизнь могла бы быть иною. Богъ знать, почему, ее начала томить однообразная, механическая повседневность. Она съ ужасомъ открыла, что она своего мужа не любить. Потребность иной, свободной любви начала томить ея душу. Кто этого чувства не знаетъ, тотъ поѣзжай въ наши южнѣческие хутора, гдѣ все идетъ такъ законно, такъ мирно. Тамъ, подъ задумчивыми сѣнями старосѣтскихъ садовъ, открываются ему тайны, которыхъ и не подозреваешь.

наши сельские хозяева, любящие передъ обѣдомъ закусить, а послѣ обѣда соснуть.

Хуторъ Маковка дышалъ завиднымъ для проѣзжаго спокойствіемъ, посреди роскоши своей расѣтальности. Сосѣди также называли его уголкомъ счастливымъ. Некому было слѣдить за разъярившимъ, томнымъ взоромъ молодой матери, ласкавшей двоихъ малютокъ такими ласками, въ которыхъ сквозь материнское чувство пробивалась безмолвная тоска одинокой женщины. Петръ Никитичъ, сдѣлавшись обладателемъ Маковки, началъ тучнѣть. Хозяйство у него шло отлично. Уѣздные тузы призабыли его турецкое происхожденіе. Онъ усвоилъ себѣ ту общительность, которую не нарадуются наши дворяне, проводящіе большую часть своего времени у сосѣдей, въ бескopeчныхъ бесѣдахъ о предметахъ, равно доступныхъ каждому, и въ успокоительныхъ преферансахъ. Турецкаго въ немъ только и осталось, что нетвердый выговоръ да черные глаза, искрашивающіе сквозь маслянистый блескъ. Его начали уважать замѣтно больше прежняго и, если бы не малый чинъ, то пожалуй выбрали бы въ предводители дворянства. Но тутъ-то, именно въ эпоху полнаго его довольства жизню, постигло его горе, которое не постигаетъ немногихъ мужей, входящихъ въ сердце женщины безъ спросу,— не постигаетъ только тѣхъ мужей, которыхъ жены, безъ благодѣтельного способа сходиться близко съ неизвѣстнымъ человѣкомъ, остались бы, какъ выражаются стихотворцы, безъ мѣста на пиру земномъ.

Горестное событие совершилось въ хуторѣ Маковки очень просто. Между осѣдлымъ населеніемъ нашей благословенной (Богъ знаетъ кѣмъ) родины, по волѣ рока, появляются отъ времени до времени странствующіе рыцари, украшенные эполетами и вооруженные смертоноснымъ оружіемъ. Они обращаютъ на себя особенное вниманіе нашихъ дамъ, не говоря ужъ о дѣвицахъ, и я нахожу, что это— въ порядкѣ вещей. Въ нихъ чувства не дремлютъ, въ этихъ странствующихъ рыцаряхъ. Въ нихъ болѣе, нежели въ людяхъ осѣдлыхъ и занятыхъ насущнымъ дѣломъ жизни,

развита жажда пріятныхъ впечатлѣній. А все это— воля ваша—чувствуется невольно. Каждое женское существо знаеть себѣ цѣну; каждое желаетъ быть оцѣненнымъ по достоинству. Цѣлая бездна лежитъ между спокойнымъ взглядомъ собственника, которому женщина принадлежитъ по закону, и между взглядомъ энергического усача, на кого-то и звукъ голоса, и грациозное движение сельской красавицы производятъ магическое дѣйствие. Немногіе изъ нашихъ хуторскихъ и сельскихъ мужчинъ догадываются, какая музыка обхватываетъ молодое сердце, когда на него благочестивую владѣтельницу устремлены почтительно-горячіе, таинственно-краснорѣчивые глаза человѣка, не похожаго на то, что ее окружаетъ. И имъ ли заниматься подобными мелочами, когда на нихъ лежать серьезныя заботы о хозяйствѣ и о средствахъ къ воспитанію дѣтей? Пмъ всего нужноѣ отдыхъ, и они всего пріятнѣе отдыхаютъ за картами. Странствующіе рыцари большою частю сходятся съ ними въ этой певинной забавѣ, и я могу увѣрить каждого, что воинственные любители картъ безопасны для домашнаго спокойствія нашихъ сельскихъ хозяевъ. Но между вооруженною братіею есть люди неиграющіе. Мало ихъ, но есть. Это народъ бѣдовий, не смотря на всю свою благопристойность. Это—такъ называемые мыслящіе люди, хотя ихъ скорѣе слѣдовало бы называть людьми чувствующими. Они, въ офиціальной праздности своего быта, изощряютъ взглядъ своей на женщину до послѣдней тонкости. Не укроется отъ нихъ семейная тайна между мужемъ и женою, хотя бы она не была высказана ни одному человѣческому существу. Опасный и вредный народъ эти мыслящіе воины. Святость брака сильно отъ нихъ страдаетъ, и я совѣтую избѣгать знакомства съ ними особенно тѣмъ мужьямъ, которые обзавелись интересными женами по заведенному порядку сватовства.

Въ благополучныхъ окрестностяхъ хутора Маковки, то въ одномъ, то въ другомъ домѣ, между играющими меченосцами, началь появляться неиграющій молодой воинъ и вскорѣ сдѣлался любимымъ собесѣдникомъ дамскаго мало играющаго.

кружка, къ которому принадлежала и наша Пина. Маменьки взрослыхъ дочерей возьмѣли на него лестныя надежды, и каждой изъ нихъ казалось, что онъ созданъ именно для семейной жизни, тогда какъ въ сущности это былъ одинъ изъ ужаснѣйшихъ разрушителей семейного счастія. Не прошло и мѣсяца со времени его появленія въ счастливомъ затишье — а мѣсяцъ тогда былъ май, и соловыи пѣли по ночамъ упоптительно, такъ пѣли, какъ они поютъ въ одной только Украинѣ, — не прошло и мѣсяца, какъ по хуторамъ и сельскимъ помѣщичьимъ усадьбамъ разнеслась невѣроятная, по тѣмъ не менѣе поразительная новость: что Пина забывъ страхъ Божій, долгъ вѣрной жены и чувства матери, назначила свиданье молодому офицеру у себя въ рошѣ и мужъ засталъ ее слушающею вмѣстѣ съ нимъ соловыиные пѣсни. Всѣ повторили эту новость, каждый прибавилъ къ ней какую-нибудь романическую подробность, и никто ей не вѣрилъ. Рѣшено, что этого не можетъ быть, что это — чистая выдумка, что это — гнусная клевета.

Между тѣмъ Петръ Никитичъ Арамбацъ замѣтно измѣнился въ своей наружности и въ своемъ обращеніи съ сосѣдями: похудѣлъ, поблѣдѣлъ, изчезла роскошная маслянистость его глазъ, и они начали сверкать у него сухимъ, произительнымъ блескомъ. Выѣзжать началъ онъ рѣдко; въ карты игралъ мало; бесѣды его о хозяйствѣ становились короче и короче; наконецъ онъ, можно сказать, совсѣмъ умолкнулъ въ шумномъ говорѣ хуторскихъ собраній. Но хозяйство шло у него отлично по прежнему, и по прежнему онъ былъ справедливъ къ крестьянамъ, которые боялись его взгляда и слова, которыхъ онъ никогда не наказывалъ, въ помѣщичьемъ значеніи этого слова. Какъ часы, шелъ заведенный порядокъ въ хуторѣ Маковкѣ. Но какой-то мракъ вдоворился въ душѣ Арамбаца. Пина начала хворать, и счастливая чета не показывалась ни у кого изъ сосѣдей. Сосѣдямъ было у нихъ скучно, потому что хозяева едва отвѣчали на вопросы своихъ гостей и очевидно тяготились какою бы то ни было бесѣдою. Мало-по-малу все прежде близкое къ Маковкѣ сдѣлалось къ ней далекимъ, и добрые

люди по-неволѣ начали терять изъ виду многое, что въ ней происходило. Глухо разыгрался романъ семейной жизни въ цвѣтущемъ, на видъ веселомъ и счастливомъ хуторѣ. Густая сѣдина появилась въ курчавыхъ волосахъ Петра Никитича. Пину сосѣди начали называть Пелагеей Ивановной: печальный приговоръ увядшей красотѣ, за которую всѣ ея любили, какъ нешаглядного ребенка. Домъ Арамбаца пересталъ быть даже предметомъ живыхъ толковъ. Такъ охладѣваетъ возбужденный празднотю интересъ къ мелодрамѣ. Такъ равнодушно смотрѣть городская чернь на опустѣлые балаганы, въ которыхъ подобные ей бѣдняки играли пошлые роли свои, сообразно съ понятіями и вкусомъ толпы. Но тутъ-то, именно тутъ, для насъ, неимѣющихъ никакой претензіи на поддержаніе заведенного однажды навсегда порядка жизни, начинается интересъ внутренней истории хутора, забытаго и заброшенаго сосѣдями.

Прежде всего мы остановимся на перемѣнѣ, которая произошла въ характерѣ Пелагеи Ивановны, прежней Пины. Съ дѣтства она училась и читала мало; но, выйдя за мужъ, начала заглядывать въ книги. Подъ вліяніемъ безотчетной скуки, которая стала томить ее послѣ этого счастлива го события, смыслъ повѣстей и романовъ началъ для нея проясняться. Она ужъ не гонялась, какъ прежде, за сказочнымъ интересомъ: для нея дорогъ былъ взглядъ автора на явленія жизни, выраженной событиями. Будучи часто не въ силахъ прозрѣть сквозь художественную оболочку повѣсти, она обращалась къ журнальной критикѣ (которая — спаси ее Богъ — рѣдко умѣеть вторить авторамъ), и нашла въ ней самое грустное истолкованіе своего положенія. Пина изъ покорной рабы обычая сдѣлалась безграницюю радикалкою и отъ всей души возненавидѣла благочестивую мораль и добродѣтельный деспотизмъ своего папаши, который ничего этого не подозрѣвая, отправился искать на томъ свѣтѣ другого хутора Маковки. Жажда свободы и любви заговорила въ ней сильнѣе всѣхъ чувствъ и понятій. Первый странствующій рыцарь, похожій на человѣка, показался ей достойнымъ ея угнетеннаго серд-

ца, и только внезапный выходъ полка въ какуюто геройскую экспедицію спась богоспасаемыя окрестности хутора Маковки отъ слишкомъ громкаго скандала. Странствующій витязь, непричастный картежной игрѣ, дѣйствительно былъ выпугнутъ ревнивымъ мужемъ изъ таинственной рощи, какъ повѣствовали сосѣдніе хранители и хранительницы общественной нравственности; но онъ никакъ не ожидалъ, что Пина смотрѣть на дѣло любви вовсе не такъ, какъ онъ смотрѣлъ. Утромъ, на другой день послѣ сцены въ рощѣ, онъ получилъ отъ нея посланіе, въ которомъ она коротко и выразительно писала, что *готова на все, на все...* Прізадумался храбрый воинъ надъ вопросомъ: что ему дѣлать? Не ожидалъ онъ такого серьезнаго хода отъ хуторскаго идиллическаго романа, и перспектива, которую открывала ему Пина своею лаконическою запискою, въ одно и то же время и увлекала и пугала его. Воинственные люди тоже чувствуютъ иногда страхъ, какъ и простые смертные, а это—одно изъ самыхъ непріятныхъ чувствъ Но тутъ, какъ нельзя больше вѣстати, подали ему приказъ, въ которомъ повелѣвалось ему пдти на враговъ Россіи, за вѣру, царя и отечество. Облегчилъ этотъ приказъ высоко подымавшуюся грудь рыцаря, и, подавляя въ себѣ вѣжное чувство, великодушно занялся онъ сборами въ походъ. На записку онъ рѣшился не отвѣтить ни слова, хотя не безъ гордаго чувства положилъ ее въ хранилище своихъ трофеевъ. Барабаны бой разогнали и послѣднія мысли, носившіяся тучами въ его—надо сказать—пустомъ черепѣ.

Безчувственный барабанъ! ты загремѣлъ свою безощадную дробь въ то самое время, когда мечтательная хуторская героиня, бродя въ замкнутомъ со всѣхъ сторонъ саду, точно въ гаремѣ, отвѣчала вздохами на дыханіе розъ и пылкимъ воображеніемъ опереживала события. Она изумила Петра Никитича своею невозмутимостію. Она, негодуя, упрекала его, какъ деспота, который не даетъ ей права дышать ночной прохладой и своими низкими подозрѣніями отравляетъ единственное наслажденіе ея жизни—наслажденіе бесѣдой

съ развитымъ человѣкомъ. Не понимая языка романовъ, практическій Петръ Никитичъ очень просто бранилъ ее за измѣну и еще проще грозилъ ей кулаками. Еще больше оскорблялась негодующая Пина, еще рѣзче предъявляла свои права на независимость. Но мужъ, по азіатски, заперъ всѣ боковые выходы изъ усадьбы. Простакъ! онъ не зналъ, что не изобрѣло еще искусство человѣческое затворовъ, которые устояли бы противъ двухъ любящихъ сердецъ. Такъ размышила рѣшившаяся на все Пина, воображая своего возлюбленнаго ни какъ не ниже Леандра. Въ это время пчелы жужжали въ цвѣтахъ какъ-то возбудительно; иволга звала своего возлюбленнаго звенящую въ тишинѣ пѣснею; одинокая горлица ворковала уныло, но не безнадежно. И вдругъ походный барабанъ заглушилъ все гармоническое въ природѣ. Послышалася глухой топотъ. Косматые верхи драгунскихъ шапокъ заволновались выше садовой высокой ограды. Распущенное знамя взвилось нѣсколько разъ противъ солнца, играя съ вѣтромъ, и все прошло мимо, по видимому не имѣя никакой связи съ этимъ хуторомъ, съ этимъ садомъ, съ этой одинокой красавицей и съ ея мужемъ, который въ суровомъ спокойствіи своемъ, обозрѣвалъ окрестный полѣ. Тише и тише гремѣлъ барабанъ; больше и больше мѣшались его рѣзкія ноты съ конскимъ топотомъ. Уже, сквозь этотъ незаконный въ природѣ шумъ, слышалось вѣчно милое воркованье горлицы. Отозвалася въ концѣ саду и испуганная иволга. Еще тише, еще мягче рокоталъ въ чистомъ полѣ барабанъ, и звонко гудящія пчелы сливали усилильные голоса свои съ его умирающими звуками. Все пришло въ гармонію. Только сердце влюбленной Пины чего-то замерло. Она скоро узнала о внезапномъ выступленіи полка изъ окрестностей. Она почти догадалась, почему ей не отвѣчали на записку: женщины въ такихъ слuchaихъ непостижимо проницательны. Но она все еще ждала; все еще надѣялась... Ночь, другая ночь и наконецъ третья разувѣрили ее въ самой дорогой ея надеждѣ. Она покинута, она пренебрежена. Перевести эти слова съ языка женскаго на языкъ мужской никто не съумѣеть.

П. Кудишъ.